

ТУВА ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

DOI: 10.25178/nit.2025.3.14

Статья

Положение кочевых семей Тувы и особенности их адаптации к современным условиям**Тамара К. Ростовская***Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН;
Российский университет дружбы народов, Российская Федерация,***Органа Д. Натсак***Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований
при Правительстве Республики Тыва, Российская Федерация,***Лейла Ф. Деловарова***Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Республика Казахстан*

В статье анализируются вопросы адаптации современных кочевых семей тувинцев к изменяющимся социально-экономическим условиям жизни в Туве. Анализ основан на результатах социологического исследования представителей кочевых семей 2025 г.

Рассмотрены изменение численности социальной группы чабанов, оленеводов в Туве. В постсоветский период происходило снижение числа чабанов как социальной и профессиональной группы, соответственно, и числа кочевых семей в структуре тувинского общества. Специальные программы поддержки животноводов, принятые республиканской властью, помогли изменить эту динамику. Отмечено отсутствие государственных программ поддержки кочевых семей в Туве.

Показаны структурные изменения, происходящие в тувинских кочевых семьях. Ряд факторов (вопросы образования детей, финансовые проблемы) приводят к практике раздельного проживания супругов (стоянка — село, город). Система образования детей вынуждает их жить вдали от хозяйства родителей, отрывая их от системы преемственности. Родители сами настроены на то, чтобы дети получали профессиональное образование и переезжали в другие места. Проблемы с доступом к коммуникационным сетям и цифровым технологиям также обуславливают сложности существования кочевых семей. Все эти факторы осложняют существование кочевых семей.

Ключевые слова: кочевой образ жизни; животноводство; чабан; тувинская семья; кочевая семья; доступ к Интернету; тувинцы

Для цитирования:

Ростовская Т. К., Натсак О. Д., Деловарова Л. Ф. Положение кочевых семей Тувы и особенности их адаптации к современным условиям // Новые исследования Тувы. 2025. № 3. С. 212-233. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.3.14>

Ростовская Тамара Керимовна — доктор социологических наук, профессор, заместитель директора Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН; директор Института современных языков, межкультурной коммуникации и миграций Российского университета дружбы народов. Адреса: 119333, Россия, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6, к. 1; 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. Эл. адрес: rostovskaya.tamara@mail.ru

Натсак Органа Доржуевна — кандидат философских наук, учёный секретарь Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 4. Эл. адрес: nod695596@gmail.com

Деловарова Лейла Федоровна — и. о. доцента кафедры международных отношений и мировой экономики факультета международных отношений Казахского национального университета имени аль-Фараби. Адрес: 050040 Республика Казахстан, г. Алматы, пр. Аль-Фараби, 71. Эл. адрес: delovarova@mail.ru

TUVA YESTERDAY, TODAY, TOMORROW

Article

The Status of Nomadic Families in Tuva and Features of Their Adaptation to Contemporary Conditions**Tamara K. Rostovskaya***Institute of Demographic Research, Federal Scientific Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences; RUDN University, Russian Federation***Organa D. Natsak***Tuvan Institute of Humanities and Applied Socio-Economic Research under the Government of the Republic of Tuva, Russian Federation***Leila F. Delovarova***Al-Farabi Kazakh National University, Republic of Kazakhstan*

The article analyzes the issues of adaptation of modern nomadic Tuvan families to the changing socio-economic conditions of life in Tuva. The analysis is based on the results of a sociological survey conducted among representatives of nomadic families in 2025.

The changes in the size of the social group of shepherds and reindeer herders in Tuva are examined. During the post-Soviet period, a decline in the number of shepherds as both a social and professional group occurred, which correspondingly reduced the number of nomadic families within the structure of Tuvan society. Special support programs for livestock breeders adopted by the republican authorities helped modify this trend, albeit insignificantly, partly because these programs were not specifically targeted at the needs of families. The absence of state support programs for nomadic families in Tuva is noted.

Structural changes occurring within Tuvan nomadic families are shown. Several factors (such as children's education, financial difficulties) lead to the practice of spouses living separately (with the family's seasonal camp on the one hand and the village or town on the other). The education system obliges children to live far from their parents' household, thereby disrupting the continuity of traditional family succession. Parents themselves are inclined to have their children obtain professional education and move to other locations. Problems with access to communication networks and digital technologies also cause difficulties in the existence of nomadic families. All these factors complicate the livelihood of nomadic families.

Keywords: nomadic lifestyle; livestock breeding; shepherd; Tuvan family; nomadic family; Internet access; Tuvans

For citation:

Rostovskaya T. K., Natsak O. D. and Delovarova L. F. The Status of Nomadic Families in Tuva and Features of Their Adaptation to Contemporary Conditions. *New Research of Tuva*, 2025, no. 3, pp. 212-233. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.3.14>

ROSTOVSKAYA, Tamara Kerimovna, Doctor of Sociology, Professor; Deputy Director, Institute for Demographic Research, Federal Research Sociological Center, Russian Academy of Sciences; Professor, Director, Institute of Modern Languages, Intercultural Communication and Migration, RUDN University. Postal addresses: Bldg. 1, 6 Fotievoi St., 119333, Moscow, Russian Federation; 6 Miklukho-Maklaya St., 117198 Moscow, Russian Federation. E-mail: rostovskaya.tamara@mail.ru

ORCID: 0000-0002-1629-7780

NATSAK, Organa Dorzhuevna, Candidate of Philosophy, Academic Secretary, Tuvan Institute of Humanities and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva. Postal address: 4 Kochetov St., 667000 Kyzyl, Russian Federation. E-mail: nod695596@gmail.com

ORCID: 0000-0003-1833-4810

DELOVAROVA, Leila Fedorovna, Acting Associate Professor, International Relations and World Economy Chair, Faculty of International Relations, Al-Farabi Kazakh National University. Postal address: 71 Al-Farabi Ave., 050040, Republic of Kazakhstan, Almaty. E-mail: delovarova@mail.ru

ORCID: 0000-0003-3163-5933

Введение

В 2025 г. в России началась реализация нового национального проекта «Семья»¹, была утверждена «Концепция устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации на период до 2036 г.»². Обновление государственной семейно-демографической политики, подходов к сохранению этнокультурной самобытности народов России требует исследования феномена кочевой семьи в современных условиях.

Кочевая семья — это особый тип семьи, имеющий особенности в образе и условиях жизни, детерминированные спецификой хозяйства, требующей сезонной смены пастбищ для разводимых животных. Современные кочевые семьи во многом во многом следуют образу жизни, сохранившемуся с древнейших времён, и являются носителями традиционной культуры хозяйствования. Актуальными исследовательскими проблемами являются вопросы о том, каким образом кочевые семьи адаптируются к современным социальным и экономическим условиям, как меняются внутрисемейная организация и традиционное гендерное распределение ролей, каковы их ценности и социальное положение. Ответы на эти вопросы могут осветить общую проблему: а есть ли будущее у кочевого образа жизни в условиях современных социальных изменений.

По мнению В. В. Карлова, который анализировал возможные перспективы и особенности воспроизводства кочевых народов и их традиций в постиндустриальном мире на примере кочевников субарктической и степной зон Евразии, динамика активного внедрения новаций и сохранение традиций и этнического опыта в хозяйственной, бытовой сферах жизни, входят в противодействие друг с другом (Карлов, 2016: 143).

К. Хамфри и Д. Снит, исследовавшие пастбищное животноводство в России, Монголии, Китае, пришли к выводу о том, что в степных зонах Внутренней Азии невозможно устойчивое развитие пастбищного хозяйства без кочевков и передвижений (Хамфри, Снит, 2006: 36). Это говорит о том, что пока кочевое пастбищное животноводство как вид хозяйствования будет существовать, будут и кочевые семьи с вытекающими из образа жизни особенностями.

С цивилизационной точки зрения в странах, где сохранилась кочевая культура жизни и ведения хозяйства, исторически сложившийся уклад жизни всё более находится под давлением урбанизации, всё более проигрывает по уровню комфорта, доступа к технологиям оседлой жизни, трансформации, происходящие в ходе адаптации к новым условиям, могут быть как позитивными, так и негативными. Изменения коснулись и кочевой семьи.

Цель исследования заключается в изучении положения кочевых семей тувинцев и их адаптации к современным условиям жизни. Задачами исследования стали: анализ изменения численности социальной группы чабанов, оленеводов, домашних животных; изучение опыта государственной поддержки кочевых семей и законотворчества в Туве в сравнительном контексте региональных практик субъектов РФ; исследование современных особенностей внутрисемейной организации в кочевых условиях и школьного образования детей чабанов; анализ проблем преемственности кочевой традиции в семье и доступа к современным технологиям в цифровом мире.

Объектом исследования является однонациональная кочевая семья тувинцев, предметом — современные изменения её социального положения, внутрисемейной организации, образа и условий жизни. Статья подготовлена на основе исследования современности, однако истоки многих процессов уходят в более ранние этапы развития Тувы. В этой связи отдельные показатели, такие, как доля лиц, занимающихся сельским хозяйством, количество поголовья скота, показаны в исторической динамике.

Эмпирической основой статьи послужили результаты социологического исследования, проведённого в Республике Тыва в апреле — июне 2025 г. с использованием качественных методов — глубинного интервью. Было проинтервьюировано 10 респондентов, которые были отобраны по признаку профессиональной деятельности — лица, занимающиеся отгонным животноводством —

¹ Национальный проект «Семья» [Электронный ресурс] // Национальные проекты. URL: <https://национальныепроекты.рф/new-projects/semya/?ysclid=md5ulxfmyf814040576> (дата обращения: 01.06.2025 г.).

² «Концепция устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации на период до 2036 г.» [Электронный ресурс] // Правительство Российской Федерации. URL: <http://government.ru/docs/54976/> (дата обращения: 01.06.2025 г.).

чабаны, а также члены кочевых семей из Барун-Хемчикского, Эрзинского, Тес-Хемского, Кызылско-го кожуунов республики. Глубинные интервью проводились по разработанному авторами гайду и полуструктурированному опроснику¹. В рамках исследования кочевых семей были проведены фокус-группа с участием 8 респондентов, по своей профессиональной деятельности взаимодействующие с кочевыми семьями — учителя сельской школы, экономист сельской администрации, председатель сумона, глава сумона, а также записано одно экспертное интервью.

Информационными источниками статьи стали актуальные федеральные и региональные нормативные правовые акты, государственные программы, а также статистические данные разных лет.

В статье были использованы общенаучные методы анализа и синтеза, качественные социологические методы, методы контент-анализа официальных документов.

Основная гипотеза исследования заключается в том, что кочевой образ и кочевое животноводство в Туве на современном этапе являются малопривлекательными жизненными стратегиями, а кочевая семья испытывает серьезные социальные и экономические затруднения, для решения которых на федеральном и региональном уровне нужно принимать новые законы и нормативные правовые акты.

Обзор литературы

Перспективы кочевой цивилизации в постиндустриальном мире, влияние урбанизационных процессов, современных технологий на жизнедеятельность номадов, следовательно, их семей являются одним из важнейших вопросов в исследованиях российских и зарубежных ученых, занимающихся странами Азии и Африки (Железняков 2009; Карлов, 2016). В методологию исследования восточных обществ помимо однолинейных теорий марксизма, неозволюционизма, теории модернизации и цивилизационного подхода, ученые вводят и многолинейные теории, согласно которым существует несколько возможных вариантов социальной эволюции, а также мир-системный анализ (Крадин, 2024).

Проблемы трансформации кочевых семей на современном этапе в российской социологической науке стали предметом исследования применительно к северным семьям российской Арктики. В этих работах можно выделить несколько тематических направлений, которые непосредственно связаны с особенностями функционирования кочевых семей Севера, а также федеральной, региональной политики, направленной на регулирование отдельных вопросов жизнедеятельности, экономики, образа жизни семей, сохранивших традиционный кочевой уклад жизни:

Исследование трансформации кочевой семьи в Арктике. В этом ключе написаны работы Т. И. Константиновой, Т. С. Винокуровой, Я. М. Санниковой, А. А. Сулейманова, В. В. Филипповой, С. А. Григорьева, в которых наряду с адаптационными стратегиям родителей и детей изучались типы и структуры, социальное самочувствие семей, занимающихся северным оленеводством (Константинова, 2014, 2015; Винокурова и др., 2019). Основные нарративы в этих исследованиях заключаются в следующем. Кризис кочевой семьи происходил в два этапа: первый этап был связан с советской политикой интернатного обучения и воспитания детей оленеводов, в результате чего дети оказались оторванными от родительского, семейного воспитания, этнических ценностей, языка, культуры. Отстранение детей и женщин от оленеводства в советский период, когда на 10 рабочих мест для мужчин приходилась одна оплачиваемая ставка чумработницы, привело к разрыву преемственности поколений, гендерным перекосам и кризису семьи (Винокурова и др., 2019: 195, 197). Второй этап начался в постсоветскую эпоху, когда разрушилась прежняя модель организации и жизни кочевых семей, когда социально детерминированная высокая смертность мужчин на Севере привела к росту неполных семей, к тому, что во главе многих семей оказались вдовы, разведённые (Константинова, 2014: 29). На сложности создания кочевой семьи, связанной с нежеланием современных молодых женщин заниматься оленеводством, указывает О. Н. Епифанова². Признаётся важность поддержки кочевой семьи как института, выступающего основой сохранения этнической культуры и традиционных видов хозяйственной деятельности народов Севера.

Исследование повседневной жизни коренных малочисленных народов представлено в работах С. М. Башиевой, которая отмечает факты девальвации трудовых мотиваций, маргинализацию отдельных слоев аборигенного общества и отчуждение молодёжи от своего этноса (Баишева, 2014).

¹ Интервьюирование проводилось на тувинском языке, перевод полевых материалов осуществлён О. Д. Натсак.

² Епифанова О. Н. Кочевая семья и чумработница // Арктические ведомости. 2024. № 1 (34). С. 84–87.

Изучение условий образования детей кочевых семей. На этом предметном поле анализируются специфические формы организации обучения, которые явились результатом адаптации реализации программ дошкольного и школьного образования к кочевым условиям семей в тундре. «Кочевое образование» в российской системе обучения детей представлено сезонными кочевыми группами кратковременного пребывания для дошкольников и кочевыми школами, в которых программы общего образования реализуются в совмещённом формате. Особенности этих практик представлены в работах И. М. Жуковской (Жуковская, 2025; Неустроев, Неустроева, 2017; Федорова, Николаева, 2020). Эти практики указывают на изменение подходов к образованию детей оленеводов, понимание важности нахождения детей с родителями.

Анализ законодательства, регулирующего разные аспекты жизнедеятельности коренных малочисленных народов Севера, в том числе кочевых семей. В этом исследовательском направлении работают праведы, изучающие существующие коллизии в законодательстве, вместе с тем новые подходы в законотворческой деятельности, учитывающие социоэкосистемы коренных малочисленных народов Севера. К ним относятся С. В. Стрыгина, Н. И. Новикова, В. В. Сосин и другие (Стрыгина, 2023; Новикова, 2024; Сосин, 2021). Эти исследователи отмечают тенденцию антропологизации российского права на федеральном и региональном уровнях, при которой этнографические данные об образе жизни, традиционных хозяйственных укладов стали играть всё более важную роль (Новикова, 2024; Стрыгина, 2023). Главными предложениями, выдвинутыми рядом авторов, работающими на этом предметном поле, является идея разработки и принятия федерального закона «О кочевой семье» (Стрыгина, 2023: 223; и др.¹); закрепление статуса чумработницы (хозяйки передвижного жилища), внесение его в реестр профессий и установление фиксированной оплаты труда²; введение мер государственной поддержки кочевых семей, охраны здоровья образования детей (Сосин, 2021: 22). Исходя из активизации в России законотворческой работы в области семьи, семейных ценностей, семейно-ориентированной инфраструктуры за последние пять лет полагаем, что такой закон будет разработан и будет учитывать особенности кочевых оленеводческих семей и кочевых семей, занимающихся пастбищным скотоводством.

Что касается изучения современных кочевых семей тувинцев, следует отметить следующие факты. В целом тувинская семья выступает как значимый объект анализа. Как показал проблемно-тематический обзор исследований за последние двадцать с лишним лет, предметом анализа становились историко-этнографические, этнопедагогические, гендерные аспекты, а также особенности социализации детей, родительские практики в тувинских семьях, студенческие, неполные семьи (см.: Ростовская и др., 2024). Чабанский и оленеводческий труд как виды занятости, а также чабаны как профессиональная группа в социально-профессиональной структуре тувинского общества рассматривались в монографии ученых под ред. З. Т. Голенковой в контексте изучения регионального рынка труда (Социально-стратификационные ..., 2021: 16, 21, 91).

Однако кочевая семья как особый институт и её структурные изменения, социально-экономическое положение и перспективы на современном этапе остаются неисследованными. Считаем, что эти направления важны как научный дискурс и как основа выработки управленческих мер, направленных на улучшение жизни кочевых семей.

Изменение численности социальной группы чабанов, оленеводов

Номадизм как образ жизни в современном мире сохраняется в шести видах, если исходить из вида разводимых животных: бедуины Северной Африки (верблюдоводы); африканские кочевники в пустынях Южной Сахары (крупный рогатый скот); евро-азиатские кочевники (козы, овцы, лошади, крупный рогатый скот); кочевники Тибета (яки); народы-олeneводы в Северо-Азиатской тундре; морские кочевники (рыболовство) (Энхтувшин, 2015: 692).

В Туве же кочевническая культура представлена тремя видами из вышеуказанной классификации, которые детерминированы видами животных, средой обитания которых являются совершенно разные климатические зоны: верблюдоводством в степных районах юга республики; разведением овец, коз, коров, лошадей — в степных и лесостепных зонах; яководством — в высокогорном районе на юго-западе, оленеводством — на северо-востоке.

¹ Там же. С. 47.

² Там же.

Несмотря на переход на оседлость основной части населения во второй половине XX в., чабаны, оленеводы как носители кочевой культуры и как социальная группа составляли важный сегмент тувинского населения.

Значимые изменения в их количественном составе произошли в постсоветский период, когда наблюдалось снижение доли занятых в сельском, лесном хозяйстве, охоте, рыболовстве и рыбоводстве в целом. Именно в эту группу занятых входят чабаны, занимающиеся кочевым животноводством. По сравнению с 1995 г. в 2023 г. доля этой группы уменьшилась более чем в три раза — с 23,3% в общей численности занятых до 7,4% (рис. 1). Уменьшение числа животноводов как социально-профессиональной группы означает и снижение числа кочевых семей, которые в результате миграции в села и города потеряли статус кочевых семей, перейдя в положение обычных сельских семей.

О снижении числа занятых в животноводстве за последние 20 с лишним лет свидетельствует также такой показатель, как численность занятых в собственном домашнем хозяйстве по производству

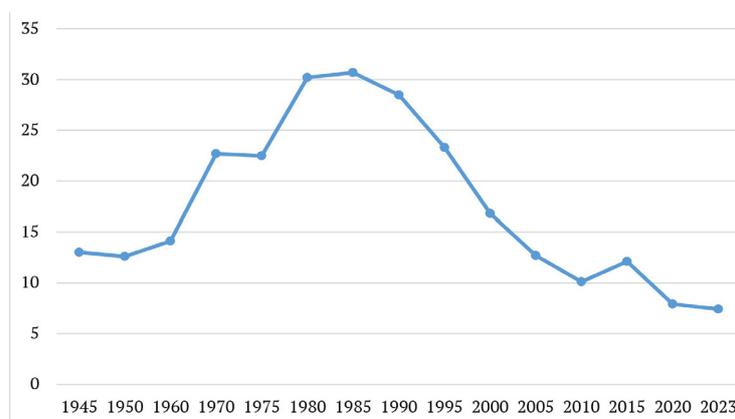

Рис. 1. Распределение среднегодовой численности занятых в сельском, лесном хозяйстве, охоте, рыболовстве в Республике Тыва в 1995–2023 гг., в % от общей численности занятых¹.

Fig. 1. Distribution of the average annual number of people employed in agriculture, forestry, hunting, fishing in the Republic of Tuva in 1995–2023, in % of the total number of people employed.

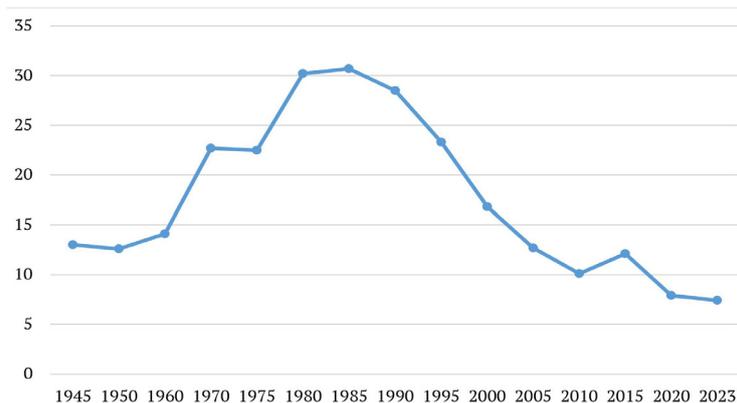

Рис. 2. Численность занятых в собственном домашнем хозяйстве по производству продукции сельского, лесного хозяйства, охоты, рыболовства для продажи или обмена в Республике Тыва в 2001–2024 гг.²

Fig. 2. The number of people employed in their own household in the production of agricultural, forestry, hunting, fishing products for sale or exchange in the Republic of Tuva in 2001–2024.

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 05.05.2025 г.).

² Рабочая сила, занятость и безработица в России 2002, 2006, 2010, 2016, 2022, 2024 [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13211> (дата обращения: 05.05.2025 г.); Советская Тува в цифрах. Статистический сборник. Кызыл: Тувинское книжное издательство. 1984. С. 104; Советская Тува в цифрах. Статистический сборник Кызыл: Госкомстат РСФСР, Тувинское республиканское управление статистики. 1991. С. 9.

продукции сельского, лесного хозяйства, охоты, рыболовства для продажи и обмена. В 2001 г. она составляла 4,2%, в 2023 г. — 2,1% (рис. 2).

При сокращении количества лиц, занятых в животноводстве поголовье скота по сравнению с кризисными 1990-ми гг. восстанавливается и показывает рост, кроме оленей (рис. 3). Однако в последние годы наблюдается снижение поголовья овец.

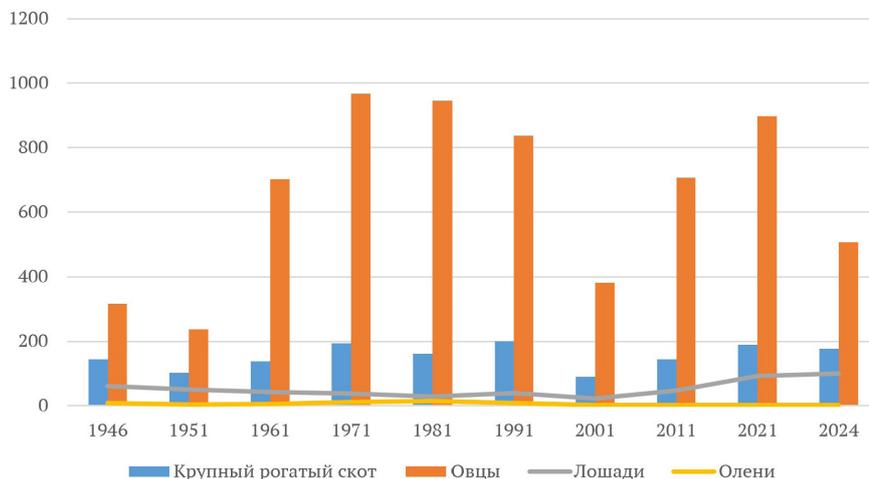

Рис. 3. Поголовье скота в Туве в 1946–2024 гг.¹
Fig. 3. Livestock population in Tuva in 1946–2024.

Причины снижения количества занятых в этой сфере, в частности, кочевом животноводстве, были разные: отсутствие регулярного денежного дохода, немеханизированный ручной труд, погодно-климатические условия, отдалённость от социальной инфраструктуры. Кочевой образ жизни и деятельность в сфере животноводства теряли привлекательность, дети чабанов получали профессиональное образование, и для тех, кто имел высшее и среднее профессиональное образование, была характерна межпоколенная восходящая мобильность, миграция в села, районные центры и городские населённые пункты, а для тех, кто не сумел получить образование, но не захотел заниматься традиционным животноводством — нисходящая мобильность, они зачастую пополняли ряды безработных.

Несмотря на это, чабаны как социальная и профессиональная группа в структуре тувинского общества сохраняются, вместе с ними и их семьи с детьми — кочевые семьи.

За последние пять лет региональным правительством были реализованы два проекта, которые стимулировали рост кочевых хозяйств и семей.

В 2016 г. была начата реализация проекта «Кыштаг для молодой семьи» («Зимнее стойбище для молодой семьи»). За счет бюджета республики молодым семьям, имеющим детей и желающим заниматься животноводством, и которых поддержал сход граждан села, предоставлялись средства на строительство зимнего дома, кошары, и предоставлялась отара, состоящая из 200 голов мелкого рогатого скота. Участники программы обязаны были зарегистрировать крестьянско-фермерское хозяйство, платить налоги, через два года передать 200 голов другому участнику, а оставшийся приплод получить в собственность. Проект привлёк молодые семьи из сёл, которые выехали в кочевья для занятий животноводством. Всего за 6 лет реализации проекта (с 2016 по 2021 гг.) 627 семей стали получателями мер государственной поддержки и перешли в статус кочевых семей, образовавших крестьянско-фермерские хозяйства, на финансирование проекта всего было направлено 476 млн руб.² Социально-экономическими эффектами данного проекта стали: привлечение молодых семей к тра-

¹ Поголовье скота и птицы в хозяйствах всех категорий [Электронный ресурс] // Единая межведомственная информационно-статистическая система. Государственная статистика. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31325> (дата обращения: 25.06.2025 г.).

² Об итогах губернаторского проекта «Кыштаг» [Электронный ресурс] // Министерство сельского хозяйства и продовольствия Республики Тыва. URL: <https://mcs.rtyva.ru/events/24651/> (дата обращения: 03.05.2025 г.).

диционному животноводству, повышение уровня занятости сельского населения. Была выстроена система социального сопровождения кочевых семей участников проекта — медицинское обследование мобильной бригадой врачей. В 2018 г. была открыта новая аграрная школа с интернатом, в которую приняты были дети участников проекта (50 чел.), финансируемая из регионального бюджета; создана региональная общественная организация «Союз молодых животноводов Республики Тыва».

В 2020–2021 гг. региональным правительством был инициирован другой проект «Чаа сорук» («Новая жизнь»), направленный на ресоциализацию лиц, вернувшихся с мест лишения свободы¹. Участвовать в проекте могло лицо до 45 лет, который ранее отбывал наказание в виде лишения свободы, среднедушевой доход семьи которого не превышал величины прожиточного минимума в среднем на душу населения по республике. Семья должна была иметь несовершеннолетних детей и постоянно проживать в населенном пункте, от которого заявитель участвует². За два года реализации проекта было построено 148 зимников для участников проекта за счёт муниципальных бюджетов, на основе социального контракта из консолидированного бюджета республики были выделены средства на приобретение 200 голов мелкого рогатого скота и 20 голов крупного скота³.

Специфика вышеуказанных двух проектов заключается в том, что за счет государственной поддержки был простимулирован приток более семисот семей из сёл в кочевья для занятия животноводством. Вопрос, требующий специального исследования — какая часть этих семей после выполнения условий социального контракта сохранила кочевой статус своих семей и хозяйство.

Данный опыт показывает, что рост и снижение числа кочевых семей зависит от государственных мер стимулирования животноводства как профессиональной деятельности.

Анализ мер государственной поддержки кочевых семей: опыт Тувы в контексте региональных практик

Экстенсивное пастбищное животноводство, оленеводство и соответствующий им кочевой образ жизни являются экономически социально уязвимыми практиками, которые всё меньше привлекают современных жителей республик, для которых они составляли основу традиционной жизни. Кочевой образ жизни предполагает целый ряд лишений, прежде всего, в доступе к современной социальной, экономической и коммуникационной инфраструктурам.

Анализ региональных нормативных правовых актов показывает, что в отдельных субъектах РФ, в которых проживают коренные малочисленные народы Севера, приняты разные меры социальной поддержки семей, ведущих кочевой образ жизни. Рассмотрим опыт некоторых регионов.

В Республике Саха (Якутия) в 2016 г. был принят закон «О кочевой семье», который законодательно закрепил содержание таких ключевых понятий, как «кочевой образ жизни», «кочевая семья», «места кочевий», определил правовые отношения, возникающие при реализации закона, порядок оформления статуса кочевой семьи⁴. В части государственной поддержки кочевой семьи помимо социальных мер предусмотрены инфраструктурные мероприятия, такие, как, например, модернизация республиканской сети спутниковой связи в местах кочевий⁵.

Данный закон является первым и единственным в России региональным законом, направленным на улучшение жизни кочевых семей. Несмотря на то, что он, по мнению, исследователей требует совершенствования (Сосин, 2021: 22), его можно использовать как основу и ориентир в разработке аналогичных региональных законах в других субъектах РФ, на территории которых живут кочевые семьи, а также при разработке проекта федерального закона в этой области.

¹ Постановление Правительства Республики Тыва от 3 марта 2020 г. № 66 «О губернаторском проекте «Новая жизнь (Чаа сорук) и о внесении изменений в постановление Правительства Республики Тыва от 2 ноября 2010 г. [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/561771189?ysclid=mde4o1ti84201514166> (дата обращения: 21.05.2025 г.).

² Там же.

³ В Туве подвели итоги губернаторского проекта «Чаа сорук» (Новая жизнь) [Электронный ресурс] // TMG-news. URL: <https://tmgnews.ru/novosti/v-tuve-podveli-itogi-gubernatorskogo-proekta-chaa-soruk-novaya-zhizn/> (дата обращения: 21.05.2025 г.).

⁴ Указ Главы Республики Саха (Якутия) «О законе Республики Саха (Якутия) «О кочевой семье»» [Электронный ресурс] // Официальное опубликование правовых актов. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/1400201606230015?ysclid=md2yug43cvs496492323&index=6> (дата обращения: 07.06.2025 г.).

⁵ Там же.

В Ямало-Ненецком автономном округе принимаемые меры носят демографическую ориентированность, направлены в том числе, на стимулирование рождаемости в кочевых семьях. В регионе функционирует единая база лиц, относящихся к коренным малочисленным народам Севера, ведущим традиционный образ жизни¹; введены так называемые «кочевые выплаты» жителям округа, ведущим традиционный образ жизни и хозяйственную деятельность; «чумовой капитал» для молодых кочевых семей, который предоставляется при рождении второго ребенка и в который входят предметы для кочевого жилища и нарты на сумму более чем 500 тыс. руб.²; установлен региональный стандарт минимальной материальной обеспеченности (шесты и покрытия для чума; печка, мини-электростанция; сети, аптечка, ветеринарный набор; бензопила и др.)³; есть образовательные субсидии, сертификаты для детей кочевых семей⁴, а также выплачивается ежемесячное пособие работникам традиционного хозяйства.

В Республике Коми с 2011 г. жители республики, которые являются оленеводами и ведут кочевой, полукочевой образ жизни, получают ежемесячные выплаты в размере 4 тыс. руб.⁵, в 2018 г. были введены ежегодные выплаты пенсионерам-оленеводам в размере 5 тыс. руб.⁶, Меры направлены на социальную поддержку лиц, занимающихся и занимавшихся оленеводством как профессиональной деятельностью, тем не менее эти трансферты поступают в любом случае и в бюджеты кочующих семей.

В Республике Тыва социальные меры поддержки чабанов не обновлялись в последние годы, сам подход к этому направлению несколько отличается от опыта Республики Саха (Якутия), Ямало-Ненецкого автономного округа.

¹ Постановление Правительства Ямало-Ненецкого автономного округа от 20 октября 2016 г. № 986-П «О государственной информационной системе по моделированию и прогнозированию социально-экономического развития коренных малочисленных народов Севера Ямало-Ненецкого автономного округа» (с изменениями на 26 декабря 2024 г.) [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/441792617?ysclid=md323taigl473354997> (дата обращения: 01.06.2025 г.).

² Постановление Правительства Ямало-Ненецкого автономного округа «Об утверждении Порядка предоставления молодой семье, ведущей кочевой образ жизни коренных малочисленных народов Севера в Ямало-Ненецком автономном округе, комплекта чума и нарт» (с изменениями на 17 января 2025 года) [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/574708382?ysclid=md31ku8ik3820700570> (дата обращения: 07.06.2025 г.).

³ Постановление Правительства Ямало-Ненецкого автономного округа от 23 декабря 2016 года № 1214-П «Об утверждении регионального стандарта минимальной материальной обеспеченности лиц, ведущих традиционный образ жизни коренных малочисленных народов Севера в Ямало-Ненецком автономном округе» (с изменениями на 17 января 2025 года) [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/444890246> (дата обращения: 08.06.2025 г.).

⁴ Постановление Правительства Ямало-Ненецкого автономного округа от 26 сентября 2012 года № 826-П «Об оказании социальной поддержки лицам из числа коренных малочисленных народов севера в Ямало-Ненецком автономном округе, а также иным лицам, не относящимся к коренным малочисленным народам севера в Ямало-Ненецком автономном округе, постоянно проживающим на территории Ямало-Ненецкого автономного округа, ведущим традиционный образ жизни коренных малочисленных народов севера в Ямало-Ненецком автономном округе, осуществляющим традиционную хозяйственную деятельность и занимающимся традиционными промыслами в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов севера в Ямало-Ненецком автономном округе» (с изменениями на 14 февраля 2025 года) [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/473412666> (дата обращения: 02.06.2025 г.).

⁵ Постановление Правительства Коми от 19 декабря 2011 г. № 590 «О внесении изменений в Постановление Правительства Республики Коми от 22 ноября 2011 г. № 523 «О предоставлении государственных социальных гарантий и компенсаций оленеводам» [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/473208437?marker=64U0IK> (дата обращения: 09.06.2025 г.).

⁶ Постановление Правительства Коми от 16 ноября 2018 г. № 498 «О внесении изменений в Постановление Правительства Республики Коми от 22 ноября 2011 г. № 523 «О предоставлении государственных социальных гарантий и компенсаций оленеводам» [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/550247415?marker=64U0IK> (дата обращения: 09.06.2025 г.).

Так, в республике отсутствует специальный реестр кочевых семей. Согласно ведомственным данным регионального минсельхоза, в 2023 г. насчитывалось 3318 чабанских стоянок¹. Но число чабанских стоянок неправильно приравнивать к числу кочевых семей, так как на стоянках могут жить наемные чабаны, одинокие, не состоящие в браке мужчины.

Отдельного закона о кочевых семьях в республике тоже нет.

В 2010 г. республиканскими властями были введены социальные льготы «чабанам-тысячникам» — тем, кто имеет более 1000 голов скота. Они подразумевали первоочередной прием руководителями органов исполнительной власти Республики Тыва, первоочередное медицинское обслуживание чабанов-тысячников и членов их семей в лечебно-профилактических учреждениях республики, получение первоочередного направления на высокотехнологичное лечение в лечебных учреждениях других регионов страны, бесплатное предоставление путевок в санаторно-курортные учреждения семьям, имеющим детей-инвалидов и детей с хроническими заболеваниями, а также бесплатный проезд один раз в год до места лечения и обратно в санаторно-курортных учреждениях Республики Тыва; обеспечение целевой контрактной подготовки чабанов-тысячников, их детей в образовательных организациях, осуществляющих подготовку по сельскохозяйственным направлениям (специальностям)².

Как мы видим, критерием получения этих преференций является количество частного скота. Хозяйства, имеющие 1000 и более голов скота, относятся к зажиточным и материально обеспеченным хозяйствам. Среди кочевых семей, занимающихся отгонным животноводством, как и среди городских, сельских оседлых семей, существует социальное неравенство и социальная дифференциация, исходя из поголовья скота и ресурсов хозяйств. Крупных хозяйств — меньшинство.

В этих условиях вне системы социальных льгот остается большинство кочевых семей. Между тем они представляют собой немаловажную часть демографического ресурса воспроизводства населения республики, и с учетом отдалённости от медицинской и диагностической инфраструктуры нуждаются во внеочередном обследовании, амбулаторном, стационарном и санаторно-курортном лечении.

В 2017–2018 гг. в Туве был реализован другой губернаторский проект «Утварь для оленеводческой семьи», основная идея которого заключалась в приобретении за счет регионального бюджета и передаче 17 оленеводам комплектов спутниковой связи, утеплённых палаток, снегоходов марки «Буран». Участник должен был быть потомственным оленеводом и соответствовать следующим критериям: иметь поголовье оленей, стаж и опыт работы в оленеводстве, быть заслуженным работником отрасли, наставником молодежи. То есть основные критерии, как мы видим, не связаны с семейным положением.

В региональном законодательстве Республики Тыва отдельно не выделен статус кочевой семьи, региональные меры социальной поддержки семей, ведущих кочевой образ жизни, направлены не на всю социальную группу, а на тех, кто имеет особые заслуги. Опыт других регионов показывает новые подходы и практики, которые могут послужить основой для обновления законодательной базы и мер поддержки кочевых семей в Туве.

Современные особенности внутрисемейной организации кочевых семей в Туве

Традиционно кочевая семья состояла из супружеской пары и детей, но могла входить в состав многопоколенной расширенной семьи. Расширенная многопоколенная семья, по описаниям Л. П. Потапова, составляла ядро аала, кочевой группы родственников, в которой каждая юрта — семья родных братьев, имевших собственные хозяйства, рядом могло находиться несколько юрт бедных родственников и свойственников (Потапов, 1969: 117). На структурное изменение устойчивого объединения — аала повлияли процессы нуклеаризации семей, снижение числа семей, занимающихся кочевым животноводством. Сегодня многие семьи кочуют в одиночку.

¹ Приступили к важной кампании — зимовке скота [Электронный ресурс] // Министерство сельского хозяйства Республики Тыва. Страница VK. URL: https://vk.com/wall-117799467_11418?ysclid=md36azzayu818179197 (дата обращения: 11.07.2025 г.).

² Постановление Правительства Республики Тыва от 15 сентября 2010 года № 375 «О мерах по государственной поддержке чабанов, имеющих 1000 и более голов мелкого рогатого скота» [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/906701801?ysclid=maniuafbw264500138> (дата обращения: 05.05.2025 г.).

В настоящее время два важнейших фактора, такие, как необходимость обучения детей в школе и дефицит финансовых средств в семье определили появление новой социальной практики раздельного проживания супругов из кочевых семей, возникшей в постсоветский период: один — в селе или городе, другой — на чабанской стоянке.

Необходимость разделения обуславливается отсутствием регулярного денежного дохода животноводов. Скот является капиталом, но его конвертация в денежные средства, необходимые для жизнедеятельности семьи и хозяйства, имеет сезонный характер, продажа продукции хозяйства также требует дополнительных расходов. В этих условиях один из супругов, как правило женщина, работает и живет в селе, выступает добытчиком регулярных средств в семье. Она также находится рядом с детьми-школьниками в селе. Мужчина ведёт животноводческое хозяйство, а жена постоянно курсирует между кочевым хозяйством и домом с детьми в селе или в городе:

«Жена бывает здесь со мной 1–2 месяца в году, потом она уезжает в село к детям. Жена не может со мной находиться на стоянке, так как в школе учится наш младший сын, девятиклассник. Сейчас все строго стало, учителя не разрешают оставлять его одного, требуют, чтобы кто-то из родителей жил с ним» (муж., 54 лет);

«В 2017 г. мы оформили КФХ¹, стали участниками программы “Кыштаг для молодой семьи”, получили 200 голов овец. Потом я уехала в село, чтобы обучать в школе старших детей, устроилась на работу, так как у меня есть высшее педагогическое образование. Муж один жил на стоянке два года, мы ездили: он — к нам, я с детьми — на стоянку. Потом он переехал к нам в село, мы наняли чабанов для своего скота и оставили их на своей стоянке. Обеспечиваем их продуктами, ежемесячно платим 20 тыс. руб. и скотом. Когда все дети закончат школу, с мужем обратно вернемся на стоянку» (жен, 33 лет);

«У нас есть дом в селе, где я живу с детьми школьного возраста, наша чабанская стоянка всего в трех километрах от села. Езжу на стоянку каждые 2–3 дня. В село я переехала, когда старший сын пошел в школу. Со временем привыкаешь» (жен., 46 лет).

Немаловажным фактором убытия женщин из кочевых семей в село и города является образовательная гипогамия² в тувинских семьях, которую отмечают исследователи (Натсак, 2021: 130–131). Более высокий уровень образования женщин встречается и среди кочевых семей. В условиях, когда муж ведёт кочевое частное хозяйство, не оформленное как КФХ, не работает в СПК³, оплачивающее страховые взносы в фонды, он не имеет страхового стажа, необходимого для получения страховой пенсии. Женщина, имеющая профессиональное образование, устраивается на работу, чтобы в будущем у неё была возможность воспользоваться льготным выходом на пенсию и получать не социальную, а страховую пенсию. Вопрос пенсионного стажа в равной степени важен для всех чабанов вне зависимости от пола, это тот вопрос, в котором нужны новые законодательные решения на федеральном уровне:

«У мужа пенсионного стажа нет, у меня стаж идет. Для этого я работаю в селе в школе. У меня два средних профессиональных и высшее образование. Муж после школы дальше не стал учиться. Мы с мужем на два дома живем уже 17 лет. Хочу доработать до пенсии, осталось 4 года, потом поеду жить к мужу на чабанскую стоянку насовсем» (жен., 46 лет).

Такие семьи по характеру организации внутрисемейных отношений во многом близки к современным семьям, в которых один из супругов, как правило, мужчина, практикует транслокальную трудовую (вахтовую) миграцию. Такие семьи, как отмечает Г. В. Хилажева, переживают качественно новые последствия миграционных процессов, в них более интенсивно происходит трансформация традиционного характера отношений внутри семьи (Хилажева, 2021: 71). В тувинских кочевых семьях с раздельным проживанием супругов в поисках работы или для обучения детей убывает женщина, следовательно, в домохозяйстве достаточно длительное время отсутствует именно она. Воссоединение супругов зависит от завершения определенного жизненного этапа, например, выхода женщины на пенсию, или от значимых событий, таких, как завершение детьми школьного образования. В период раздельного проживания происходит изменение гендерного распределения в выполнении неоплачиваемого домашнего труда. Если в семьях, проживающих в селах и городах, в разделении труда происходит эгалитаризация (равноправие в самореализации), и мужчины все более склонны участвовать в уходе, воспитании детей (Натсак, 2022а: 86), то в кочевых семьях с раздельным

¹ КФХ — крестьянско-фермерское хозяйство.

² Образовательная гипогамия — брак, в котором один из партнеров имеет более высокий уровень образования.

³ СПК — сельскохозяйственный производственный кооператив.

проживанием супругов мужчины, находящиеся на чабанской стоянке, в гораздо меньшей степени участвуют в уходе, воспитании, социализации детей, чем женщины, проживающие совместно с ними. Тем не менее они самостоятельно выполняют традиционно женские виды домашней работы, такие, как приготовление пищи, стирка, уборка:

«Мужчины, оставшиеся одни на стоянке, сами выполняют домашнюю работу: готовят, убирают, стирают» (жен., 46 лет).

В этих условиях роль женского участия в уходе и воспитании детей становится исключительной. Кроме того, в домохозяйстве в селе женщины сами полностью выполняют мужские виды домашнего труда (топка печи, транспортировка воды).

Раздельное проживание супругов влияет на изменение хозяйственных практик и домашнее производство. По мнению участников нашей фокус-группы, чабаны склонны переходить к разведению крупного рогатого скота и лошадей, все больше отказываясь от разведения овец, которое требует больших трудозатрат и присутствия более одного человека в хозяйстве:

«По хозяйствам на территориях, принадлежащих нашему сумону, мы видим, что растут поголовья коров, лошадей. Чабаны все больше отказываются от овцеводческого типа хозяйств, так как они требуют большего ухода. Поэтому сокращается поголовье овец. Коров тоже перестали доить» (жен., 48 лет).

Что касается распределения гендерной власти в кочевых семьях с раздельным проживанием, следует отметить, что финансовое управление, как и во многих других тувинских семьях, концентрируется в руках женщин — они получают заработную плату, если работают, пособия на детей. Происходит разделение функций: решения, связанные с хозяйством, преимущественно принимает мужчина, так как он находится там, а решения, связанные с воспитанием, обучением детей, принимает женщина. Но номинальным главой семьи остается мужчина, как в других семьях, ведущих оседлый образ жизни (Натсак, 2022b: 28).

Эта модель является результатом адаптации кочевых семей к новым социальным условиям. Нужно признать, что она несет в себе определённые риски для устойчивости кочевой семьи.

Исходя из интервью с респондентами, мы выявили в целом три модели современных кочевых семей (табл. 1).

Таблица 1. Современные модели кочевых семей тувинцев, занимающихся отгонным животноводством
Table 1. Modern models of nomadic Tuvan families engaged in animal husbandry

№	Модель	Проживание супругов	Проживание детей школьного возраста	Ведение хозяйства
1	Традиционная	совместное	в интернате; у родственников, проживающих в селе или городе	самостоятельное
2	Модифицированная	раздельное	в собственном доме в сельском или городском населённом пункте под присмотром матери	самостоятельное / использующее труд наемных помощников / кооперация с другими родственниками
3	Делегированная	совместное	в собственном доме в сельском или городском населённом пункте совместно с отцом и матерью	ведение хозяйства делегировано наемным работникам на определенный период

Эти модели непостоянны, зависят от жизненного цикла семьи и важных семейных и демографических событий, как рождение, обучение детей, состояния здоровья, экономического потенциала семьи.

Нами выявлен также другой факт, связанный с неполным типом семьи, возникшим в результате овдовения. В советский период в случае смерти мужчины, все обязанности по уходу за скотом совхоза

переходили к женщине. Относительный порядок, спокойная криминальная обстановка, коллективные формы хозяйствования, родственная помощь позволяли овдовевшим женщинам самостоятельно вести вверенное хозяйство. После того, как сыновья достигали брачного возраста и создавали семьи, под руководством матери они получали в свои руки хозяйство, продолжали дело родителей. В постсоветский период в связи с сосредоточением основной массы скота в частных хозяйствах и распадом совхозов чабаны полагаются лишь на собственные ресурсы, родственников, и женщинам в разы труднее стало выполнять функции главы хозяйства. Разница заключается в том, что совхозы в советский период обеспечивали, например, подвоз воды на специальной технике (на водовозах), соли для скота до чабанских стоянок, маршруты «магазинов на колёсах» — автолавок были выстроены с учетом мест кочёвок чабанов, при перекочевке была возможность воспользоваться грузовыми машинами совхоза. Кроме того, криминальная деятельность в виде скотокрадства была низкой.

На современном этапе в случае овдовения многие меняют образ жизни — мигрируют в село. Одна женщина не может совмещать воспитание, обучение детей с обязанностями по уходу за скотом, обеспечения жизнедеятельности хозяйства. У овдовевших мужчин больше шансов выполнять в одиночку хозяйственные задачи при условии, если несовершеннолетние дети будут учиться в школе под присмотром родственников.

Таким образом, факторами трансформации жизни кочевых семей являются изменения в социальном пространстве. Адаптация к современным условиям проявляется в формировании новых моделей организации и форм семьи. Необходимость в экономическом выживании семьи, обеспечения старости в будущем, с одной стороны, и закрытие во многих местах интернатов для детей чабанов, нежелание родителей передавать детей родственникам во время обучения в школе, или отсутствие такой возможности, усилившийся надзор за детьми со стороны школы, социальных служб толкают женщину-мать из кочевой семьи переезжать в село. Последствиями раздельного проживания являются изменения в распределении гендерных ролей и функций в семье, традиционных хозяйственных практик.

Школьное образование детей кочевых семей

Детско-родительские отношения в тувинской семье, социализирующая роль родителей менялась по мере развития модернизационных процессов и социокультурных трансформаций в тувинском обществе (Ламажаа, 2021: 57). На современном этапе продолжается плюрализация родительских практик, включающих и детоцентризм, и игнорирование потребностей детей в семьях, ведущих асоциальный образ жизни. Но для большинства родителей, в том числе родителей-чабанов, благополучие детей, получение ими образования — основной мотив их труда, цель их жизни.

Как выше указывалось, женщины ради образования детей едут в сёла, и живут в отрыве от своего кочевого хозяйства, супругов:

«Сейчас во многих чабанских семьях женщины находятся в селе. Они уезжают из чабанских стоянок, чтобы обучать своих детей в школе. Жёны молодых чабанов также уезжают в село искать работу, так как денег не хватает. Если интернаты будут работать, как раньше, то жёны будут находиться рядом с мужьями» (муж., 55 лет).

К вопросу возобновления работы пришкольных интернатов в качестве одного из решений данной проблемы респонденты относятся по-разному: одни считают, что интернаты нужны, другие — в интернаты родители сами не хотели бы отпускать своих детей:

«В девяностые годы интернат для детей чабанов работал. Времена сильно изменились. Многие сейчас не отдали бы детей в интернат. Зажиточные хозяйства нанимают чабанов и оставляют на стоянке, доверяют им полностью хозяйство, а хозяева сами живут в селе с детьми, которые учатся в школе. В нашем селе есть такие семьи. Платят наемным чабанам по 50–60 тысяч рублей в месяц» (жен., 48 лет).

В настоящее время в Туве из сети пришкольных интернатов для детей чабанов, функционировавших в советское время, сохранилась малая часть. Многие из них были закрыты в 1990-е и 2000-е гг. в первую очередь по причине сокращения числа чабанов, миграции многих кочевых семей в сёла. Кроме того, социальные трансформации, происходившие в сельских районах после распада совхозов, привели к формированию неблагополучных семей, в этих условиях имеющиеся ресурсы были пе-

распределены на поддержку детей из таких семей. Фокус внимания переместился с детей кочевых семей на детей, которые по обстоятельствам, сложившимся в своих семьях, нуждались в социальной помощи.

Один из опрошенных экспертов, ветеран образования, заведовавший долгое время пришкольным интернатом для детей чабанов, описала это время так:

«Наш интернат был типовым интернатом для детей чабанов и доярок. Был открыт в 1971 г. Дети жили тут, им выдавали одежду, мы создали родственный, семейный тип интерната, обучали культуре, этике, в то же время воспитывали как в семье — обучали труду, ведению хозяйства, тувинским обычаям. Мы учили шить национальную одежду, обувь. Этот эксперимент по внедрению новой воспитательной программы проходил с 1992 по 1995 г. Интернат просуществовал до 2005 г.

Затем часть оборудования и инвентаря передали в создаваемый в районе приют, а также в пришкольные лагеря. Контингент детей чабанов стал жить у родственников. А сюда, поскольку здание интерната осталось, стали приходить дети из бедных неблагополучных и многодетных семей. Мы кормили их, занимались ими, районо финансировало. Поскольку тогда появились приюты, может, стало трудно финансировать и интернаты, и приют, к тому времени число чабанов, чабанских семей и поголовья скота стали сокращаться. Мы стали работать как дневные группы, с горячим питанием, классные руководители давали список детей из сложных семей, мы работали совместно с социальным педагогом школы, психологом. Пособия тогда совсем маленькие были, были нуждающиеся семьи» (жен., 72 года, высшее образование).

Многое зависело от руководства школ, которые отстаивали целесообразность сохранения интернатов для детей чабанов. В ходе полевых исследований в 2022 г. один из авторов посещала интернат для детей чабанов в отдалённом труднодоступном селе Кунгуртуге, в 2025 г. — интернат в с. Бай-Даг Эрзинского кожууна. Сохранились интернаты, например, в с. Адыр-Кежиг Тоджинского кожууна, где проживает 20 детей тувинцев-тоджинцев (включенных в единый перечень коренных малочисленных народов РФ и занимающихся оленоводством в тайге); в труднодоступном Монгун-Тайгинском кожууне, где проживают яководы.

В рамках исследуемой темы интерес представляет опыт сопредельного государства — Монголии, население которой к группе азиатских кочевников, чья культура хозяйствования и кочевой образ жизни исторически наиболее близка была к укладу жизни тувинцев. В Монголии после разрушения социалистической модели хозяйствования произошла реномадизация части населения, когда многие со своим частным скотом вновь вернулись к традиционному экстенсивному способу хозяйствования (Энхтувшин, 2015: 695). В настоящее время 76%, или 27136 чел. из проживающих в общежитиях — дети пастухов, сообщают монгольские авторы Б. Булган и Т. Эхтуяа (Булган, Энхтуяа, 2020: 248). А родители детей, проживающих в общежитии, находятся далеко от сомонного центра, а даже некоторые семьи пастухов со своим скотом откочевывают в другие аймаки и сомоны, живут в местах, где нет телефонной сети (там же).

Обучение детей в школе и семейное воспитание — это трудносовместимые задачи в условиях, когда семья ведет кочевой образ жизни, находясь зачастую на значительном расстоянии от образовательной инфраструктуры. В советский период, в особенности после введения в 1972 г. всеобщего среднего образования¹, все дети вне зависимости от того, где живут родители — в селах, городах или кочуют, обязаны были окончить 8 классов. Эту проблему решали через сеть интернатов. В отечественной литературе присутствует негативный дискурс относительно последствий интернатного воспитания детей северных оленеводов (см.: Константинова, 2015: 28). Эти вопросы являются дискуссионными применительно к Туве, так как в силу моноэтничности сельских районов воспитание в пришкольных интернатах детей чабанов в советский, постсоветский периоды, например, не привело, к утрате родного языка.

¹ Постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР от 20 июня 1972 г. «О завершении перехода ко всеобщему среднему образованию молодёжи и дальнейшему развитию общеобразовательной школы» [Электронный ресурс] // Электронная библиотека исторических документов. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/355818> (дата обращения: 25.06.2025 г.).

Существующих альтернатив интернатному воспитанию детей чабанов, оленеводов немного: 1) для полного выполнения родительских обязанностей по воспитанию детей, обучающихся в школе, вся семья должна перейти в оседлость и жить в посёлке; 2) для обучения детей в школе женщина-мать из кочевой семьи переезжает в посёлок, при этом отцовское воспитание осуществляется лишь в период каникул; 3) дети школьного возраста во время обучения живут в семьях родственников, дети находятся под опекой и воспитанием родителей чуть более трёх месяцев в году; 4) обучение детей в кочевой школе, в которых невозможна полноценная реализация образовательной и воспитательной программы, предусмотренной в современных образовательных условиях. В Туве нет кочевых школ, необходимы в них также вызывает сомнения с учетом преобладающей ориентированности родителей на получение их детьми профессионального образования, требующего высоких результатов единых государственных экзаменов. По словам наших респондентов, они «готовы отдать всё, чтобы дети получили высшее образование и современные профессии» (жен., 48 лет).

Полагаем, что выбор варианта организации школьного обучения детей является индивидуальным решением каждой супружеской пары, и относится к частной сфере жизни семей. Повлиять на миграцию женщин из кочевых семей вслед за детьми школьного возраста в поселки невозможно, однако, там, где есть особая потребность в дошкольных интернатах — в труднодоступных районах, где живут оленеводческие и яководческие семьи, а также где есть родительский спрос среди чабанов, нужно сохранить и модернизировать оставшуюся сеть.

Преемственность кочевой традиции: проблемы и перспективы

Без поддержки кочевых семей культурно-хозяйственная преемственность традиций тувинцев будет прервана, многое уже безвозвратно было утеряно в ходе модернизации жизни и быта тувинцев. Наше исследование также показывает, что, например, традиции собирательства и использования в рационе питания тех растений, которые издавна использовались тувинцами, практически утрачены. Респондентам задавались вопросы о том, используют ли они в пищу *уургене* 'гречишка живородная', *кулча* 'дикий лук', растущий в степных и сухих местах, *мыйырал* 'корни гречишки живородной', *кичигене* 'гусиная лапка' (*раст.*), *даг согуназы* 'горный дикий лук', *ай* 'саранка кудреватая'. В том числе собирают ли они лекарственные травы. На эти вопросы они давали отрицательные ответы.

Домашнее производство одежды, особенно женское шитьё, ручное изготовление одежды и обуви, также не практикуется. Причина этого кроется в том, что с повышением доступности современной одежды и обуви фабричного производства по цене и возможности приобрести отпала необходимость в традиционном ручном изготовлении, которое требует навыков и существенных временных затрат. Кроме того, современная одежда, обувь отличается функциональностью. Национальную одежду носят по праздникам, однако она имеет декоративный характер, и зачастую далека от исторических образцов истинной повседневной одежды тувинцев, её покупают, а многие виды национальной одежды, которую носили чабаны даже в позднесоветское время, на современном этапе мало используются: *негей тон* 'овчинная шуба, тулуп', *додарлыг кышкы тон* (зимняя верхняя одежда, изготовленная из шкурок мелкого рогатого скота, покрытая сверху тестильным материалом), *чагы 'доха'*, *анай кежи тон* (зимняя верхняя одежда, сшитая из шкурок козлят); *хураган кежи тон* (зимняя верхняя одежда, сшитая из шкурок ягнят); *хөвөңниг тон* (верхняя одежда, которую носят весной и осенью, изготовленная из текстильного материала с хлопковым наполнителем), *чайгы тон* 'летний халат', *кадыг идик* 'жесткая обувь'; *чымчак идик* 'мягкая обувь', *маактыг бөрт* 'шапка, украшенная лентами', *огууза¹ бөрт* (шапка с двумя лентами), *халбаңныг бөрт* (шапка-ушанка) и т. д.

«Я не ношу всё это, и мне это не нужно, так как неудобно для работы. Зимой ношу безрукавку из овечьей шкуры, национальную одежду надеваю на Наадым» (муж., 25 лет).

Это свидетельствует о редуцировании хозяйственных практик, передаваемых современным поколениям кочевых семей.

Говоря о смысле особой поддержки детей кочевых семей, следует помнить о том, что ведение традиционного хозяйства требует особых навыков, способности выжить в трудных условиях, именно того, чем обладают дети чабанов, оленеводов. Наше исследование показало, что респонденты, ведущие

¹ В разных диалектах тувинского языка данное слово может иметь формы *олууза*, *овууза*.

кочевой образ жизни и занимающиеся пастбищным животноводством, все без исключения — сами дети чабанов. Преимущество в хозяйстве могут обеспечить только те, кто вырос в этих условиях. Обсуждая с респондентами вопрос о привлекательности для молодёжи кочевого животноводства, мы услышали такие ответы:

«... Нет, точно нет. Только если молодые парни, которые не учились, не имели возможность учиться. У кого родители просты. Еще знаю, что очень много сельских парней берут от государства в поддержку 200 овец. А потом через год сдают обратно, они, видимо, не знали, насколько это сложно. У меня тут по соседству даже были молодые семьи, которые не выдерживали суровые зимы и сдавали обратно овец, или вообще оставались в долгу у государства. Поэтому вряд ли у молодежи из города что-то выйдет, если вдруг они приедут, решат, что они с этого дня чабаны. Это должно быть в крови, нужно любить это дело, не жалеть о выборе, не думать каждый день, какая у тебя сложная жизнь» (муж., 45 лет);

«Чабанский труд и кочевая жизнь не привлекательны для молодёжи, особенно для девушек, если у меня будут дети, я бы хотел, чтобы они жили в лучших условиях» (муж., 25 лет).

Родители в кочевых семьях желают своим детям иной жизни, более высокого образования, чем они имеют, большей мобильности и открытости. На вопрос о том, хотели бы они, чтобы их дети продолжили их дело и выбрали кочевое скотоводство, нами получены такие ответы:

«Нет, я считаю, что важно получить образование, детям важно жить в комфорте. Я бы хотел, чтобы у моих детей, если они будут, было высшее образование» (муж., 45 лет);

«Наш старший сын закончил речное училище, затем пошел в армию, заключил контракт, и сейчас служит во флоте, второй сын заканчивает автодорожный техникум. Пусть они видят большой мир. Из наших пятерых детей только одна дочка может продолжить наше дело» (жен., 46 лет).

В видении чабанов жизненных перспектив имеющихся и будущих своих детей городской образ жизни занимает более значимое место, чем традиционный кочевой образ жизни.

Вопрос о том, кто продолжит дело родителей, решается под влиянием многих факторов, среди которых важнейшим является желание самого молодого человека, но в силу разных жизненных обстоятельств и воли родителей возможно и назначение с их стороны одного из детей. Благоприятными являются случаи, когда оба фактора совпадают. Поскольку кочевые семьи, как правило, многодетные, сиблинги, получившие образование и живущие в городах и селах, оказывают материальную и инструментальную помощь тому, кто продолжил дело родителей:

«Я средний сын в семье. Нас всего 4 детей. Одна старшая сестра и трое братьев. Мои родители чабаны. Всю жизнь были чабанами. И их родители тоже, то есть мои бабушки и дедушки с обеих сторон. Из родных сестер и братьев только я занимаюсь кочевым скотоводством» (муж., 25 лет).

Данный пример показывает, что кочевой образ жизни, был выбором респондента.

«Родители моего мужа из 5-х своих детей выбрали его, чтобы передать ему хозяйство, по поводу своих детей мы не знаем. Надеемся, что старший сын будет иметь интерес к этому делу» (жен., 33 года).

Данный случай — скорее, результат выбора родителей.

«В 1975 г. сразу после школы вышла замуж и начала заниматься чабанским трудом. Пасли отару овец совхоза. В 2009 г. передала свой личный скот одному из сыновей и переехала жить в село, чтобы обучать внуков в школе. Это дети младшего сына, который продолжил наше дело. Супруг умер, когда ему было 15 лет. Хозяйство мы вели вдвоём с ним, младшим сыном, старший сын учился в городе, потом ушел в армию, после этого женился. Младший сын, который оставался со мной, тоже женился на дочери чабанов. Сейчас у младшего сына 4 сыновей, может, один из них выберет этот образ жизни» (жен., 69 лет).

На примере жизни этого респондента мы видим, что она после смерти мужа вела хозяйство совместно с одним из сыновей, который в полной мере освоил чабанское дело, и достигнув брачного возраста, женился и сам стал главой своей семьи. Выбор жизненного пути её сына был в определённой мере вынужденным, проявлением сыновнего долга после кончины отца, поскольку лишь он один был рядом с матерью, а для его детей, уже возможен выбор своей жизненной траектории, которая не обязательно будет связана с кочевым образом жизни.

Непривлекательность кочевого образа жизни сужает круг потенциальных брачных партнеров для молодых людей, решивших заняться животноводством. В случае, если выбор детей чабанов пал на выходцев из сёл и городов, они, как правило, меняют образ жизни и переезжают, либо живут на два

дома, когда муж приезжает к жене с детьми в город или село, но большую часть времени проводит в хозяйстве. В ходе интервью выяснилось, что, если в семьях респондентов оба супруга являются детьми чабанов, что способствует взаимопониманию и эффективному ведению хозяйства:

«Мы с мужем оба — дети чабанов и выросли на чабанских стоянках, учились и жили в интернате в селе. Поэтому мы очень хорошо понимаем друг друга» (жен., 46 лет);

«Мои родители были чабанами. В хозяйство родителей мужа, которые тоже были чабанами, я пришла в качестве невесты в 1990 г.» (жен., 54 лет).

Таким образом, передача традиционной хозяйственной культуры осуществляется от родителей к детям. Важнейшим звеном в сохранении и воспроизводстве кочевой системы хозяйствования является не просто человек, а семья. Однако в современных условиях полноценная передача кочевых хозяйственных навыков через участие детей в домашнем труде невозможна по причине отсутствия детей школьного возраста, детей-студентов в семье большую часть календарного года. Если в традиционных кочевых семьях тувинцев дети выступали активными субъектами домашнего труда, то сейчас обучающиеся дети участвуют в нём лишь в период каникул. Выпадающий труд детей частично компенсируется инструментальными трансфертами ближайших родственников и более взрослых детей супружеской пары, которые сами живут в сёлах и городах, и в гостевом формате участвуют в наиболее важных сезонных работах кочевого хозяйства (см.: Тарбастаева, 2024: 214).

В сохранении кочевых семей, ведущих традиционный образ жизни, важны целевые установки, которые дают детям родители. Современные родители из кочевых семей ориентированы на то, чтобы дети получили образование, достигли иного материального и карьерного уровня, жили в городах и не повторяли их жизненный путь. Семьи чабанов, как правило, многодетны, родители, исходя из интересов детей, выбирают лишь одного, кому передадут хозяйство. Если из детей только один продолжает дело, и ему для создания семьи необходим партнёр также из семьи чабанов, можно предположить, что со временем всё меньше молодых людей будут стремиться к кочевой жизни, что ставит под угрозу культурно-хозяйственную преемственность и будущее кочевых семей.

Кочевые семьи в цифровом мире

Для привлечения молодёжи в традиционное животноводство нужно создавать для них современные условия жизни — обеспечивать доступ к электроэнергии, коммуникационным сетям и связи. Это ресурсоемкие мероприятия, которые могут выполнить только государство и крупный бизнес. Такой опыт уже имеется — в советский период республиканские власти проводили подключение к электричеству зимних стоянок чабанов (см.: Самарина, 2011: 125).

Рассмотрим, как оценивают респонденты доступность современных технологий в кочевых условиях.

Республика Тыва относится к регионам с высокой степенью покрытия и сетями формата 4G¹. В течение 10 последних лет шло устранение цифрового неравенства по федеральным государственным программам и проектам. По данным республиканского правительства зона покрытия сотовой связью в 2024 г. достигла 93%, из 141 населённого пункта только в 6 поддерживается устаревший стандарт 2G, в остальных 133 — 4G². Все социально значимые объекты республики обеспечены широкополосным доступом к сети Интернет, в труднодоступных населённых пунктах — доступ к сети осуществляется через спутниковую связь.

По оценкам опрошенных, проживание кочевой семьи в зоне охвата сотовой связью критически важно для безопасности их жизнедеятельности, для поддержания связи с детьми, родственниками и другими. Для многих использование мобильного Интернета стало частью повседневной жизни:

«Мобильная связь есть, позвонить можно, вызвать врача. У нас есть небольшая солнечная панель, которая позволяет зарядить телефон» (жен. 54 лет);

«Нас спасает то, что есть мобильная связь. Врачей можно вызвать» (жен. 46 лет);

¹ Четвёртое поколение мобильной связи с повышенными требованиями.

² В 2024 году ещё три территории Тувы получают мобильную связь четвертого поколения [Электронный ресурс] // Правительство Республики Тыва. URL: <https://rtyva.ru/press/news/1820/> (01.06.2025 г.).

«Газеты уже не читаю, поскольку у меня Интернет хорошо ловит. В Интернете смотрю тувинские группы, объявления, смешные ролики, фильмы (муж., 45 лет).

Не все кочевые семьи имеют доступ к связи, например, мало кто из оленеводов, яководов в высокогорных районах имеет возможность пользоваться спутниковой связью. Некоторые чабаны во время дальних летних откочёвок также находятся вне зоны действия сети, но поскольку у них сезонный характер кочевания, в другие месяцы они поселяются в зоне охвата связью:

«В летнике нет связи. Если не в тайге в Ман-Чуреке, то пользуюсь Интернетом каждый день, смотрю социальные сети. Когда мы летнике, кто-то приезжает и рассказывает новости. Когда я приезжаю в город, я скачиваю фильмы в ноутбук» (муж., 25 лет).

В ходе интервью было выявлено, что необходимость доступа к мобильной связи корректирует маршруты традиционных кочёвок — чабаны стараются селиться поближе к зонам покрытия связью. Это такой же пример стремления к новым стандартам жизни и адаптации кочевых семей к изменяющимся условиям, как в Монголии, например, животноводы выбирают места стоянок вдоль межгородских автомагистралей (Энхтувшин, 2015: 696).

Следует отметить, что доступ к мобильной связи, цифровому телевидению в каждой конкретной кочевой семье зависит от её материального благосостояния, так как обеспечение собственными источниками электроэнергии (солнечные панели, дизель-генераторы) требует финансовых затрат. В ходе исследования мы встречали семьи с недостатком финансовых ресурсов, в которых не было никаких источников электроэнергии, позволяющие заряжать телефоны, подключать телевизоры и другие бытовые приборы. Доступ к мобильной связи и сети Интернет они получают лишь приезжая в сёла. Источниками получения информации о внешнем мире служат газеты, книги, которые привозят родственники или сами из сел. Без доступа к сети Интернет нет и доступа к онлайн-банкингу:

«Есть слабая сотовая связь, но ловит, телевизора нет, так как электричества нет, есть книги русские и тувинские. Из села родственники привозят газеты “Мотиватор”, “Шын”. Фильмы смотрю один раз в год в селе, по Интернету, на стоянке нет доступа к Интернету. Совершенно забылось такое понятие, как “агитбригады”, никто не приезжает. Чтобы перевести деньги детям-студентам, нужно ехать в село, там через телефон отправляем перевод» (муж., 54 лет);

«Телевизора нет, но планируем купить его и солнечную панель, которая позволяла бы подключать телевизор» (муж., 55 лет).

Таким образом, доступ кочевых семей к сотовой связи, к сети Интернет неравномерен и зависит от отдалённости стоянок от базовых станций, обслуживающих населённые пункты, а также специфики хозяйства и природного ландшафта, в котором возможно его ведение. Применение солнечных источников энергии, наличие телевизора и других приборов определяется материальными возможностями кочевой семьи.

Заключение

Основная гипотеза нашего исследования подтвердилась. Было выявлено, что современные кочевые семьи находятся в очень уязвимом положении. Рост числа кочевых семей, который наблюдался в 2020–2022 гг. в Туве, произошел за счёт материального стимулирования отдельных категорий семей, которые перешли к пастбищному животноводству как к профессиональной деятельности. При этом очевидно, что региональная нормативная правовая база требует обновления в части признания особого статуса кочевых семей, которые переживают трансформации как результат адаптации к изменяющимся социальным, экономическим условиям.

Сферой, требующей новых подходов, является получение образования детьми кочевых семей. Установки родителей относительно будущего детей ориентированы преимущественно на то, чтобы их дети реализовали свой потенциал в некочевой среде. Это, с одной стороны, повышает их шансы на вертикальную межпоколенческую социальную мобильность, с другой стороны — сужает возможности для сохранения преемственности традиционной культуры хозяйствования.

Анализ опыта российских регионов в государственной поддержке кочевых семей и лиц, ведущих традиционный образ жизни, показывает, что и в области права, и в части материальной поддержки наблюдаются серьёзная дифференциация, которая зависит от признания или непризнания значимости вопросов сохранения традиционного образа жизни и культуры, бюджетной обеспеченности

регионов. Такую региональную дифференциацию можно преодолеть путем разработки и принятия федерального закона «О кочевой семье», который унифицировал бы подходы к кочевым семьям с учетом имеющейся практики регионов, а также федеральной программы поддержки кочевых семей, направленной на обеспечение равным доступом к технологиям и инфраструктуре.

С учетом всех социальных, бытовых, экономических трудностей, с которыми сталкиваются кочевые семьи, а также необходимости поддерживать потенциал рождаемости в республике, полагаем целесообразным выстраивание в республике новой системы поддержки семей, ведущих кочевой образ жизни, в которую, прежде всего, должен войти региональный закон «О кочевой семье», обновлённые социальные меры, региональная программа. Существующие льготы для чабанов, привязанные к трудовым достижениям и количеству скота (тысяча и более голов), требуют также переосмысления с позиций ориентированности на семью, образование детей, сохранения мужского населения, стимулирования рождаемости. Такая переориентация могла бы способствовать улучшению качества жизни семей, народосбережению в кочевых условиях.

Практики реализованных губернаторских проектов можно было бы интегрировать в региональные программы по реализации национального проекта «Семья» в виде отдельных мер поддержки или обобщить в отдельном законе о социальной поддержке кочевых семей. Такие меры будут способствовать, в том числе, снижению ранней и избыточной мужской смертности в сельских местностях республики.

Помощь в базовом материальном обеспечении оленеводческих семей, кочующих в труднодоступной тайге, целесообразно адресовать всем хозяйствам вне зависимости от стажа оленевода, количества поголовья, так как число оленеводческих хозяйств незначительно, и семьи живут в экстремальных климатических и бытовых условиях.

Наше исследование показывает, что для сохранения устойчивости кочевых семей в условиях, когда в кочевье зачастую остаются только мужчины по причине вынужденного проживания женщины в селе для обучения детей в школе, необходимо переосмысление опыта интернатного воспитания детей чабанов, их точечное восстановление там, где есть необходимость. На примере раздельного проживания супругов из кочевых семей можно увидеть риски, угрожающие устойчивости брака, семьи. Актуальными вопросами являются: модернизация функционирующих интернатов, в которых проживают дети чабанов, поэтапный их перевод из муниципального на региональное финансирование для улучшения условий содержания детей, начав с труднодоступных и отдаленных районов, отнесенных к районам Крайнего Севера; внесение соответствующих изменений в республиканский закон об образовании. Такую сеть интернатов в летнее время можно использовать для решения вопроса дошкольной подготовки детей чабанов, оленеводов, не посещавших дошкольные образовательные организации.

На федеральном уровне необходимы межведомственные обсуждения возможных поправок в пенсионное законодательство России в части расширения категорий лиц, имеющих льготные права на получение социальной пенсии путем включения лиц, занимающихся традиционными видами хозяйствования и ведущих кочевой образ жизни. В настоящее время такое право есть у представителей коренных малочисленных народов Севера (лица, достигшие возраста 55 лет (мужчины) и 50 лет (женщины), постоянно проживающие в районах проживания малочисленных народов Севера на день назначения пенсии). Применительно к населению Тувы нужно сказать, что не все лица, ведущие кочевой образ жизни и занимающиеся пастбищным животноводством, относятся к коренным малочисленным народам Севера.

Доступ к электричеству, сетям мобильной связи, питьевой воде из глубинных скважин является ключевым вопросом качества жизни и безопасности кочевых семей. Полагаем, что целесообразна разработка геоинформационной системы, цифровой карты, в которой были бы отмечены чабанские стоянки по всей республике и поддерживаемые стандарты сотовой связи, которые в дальнейшем планомерно можно было бы повышать через региональную государственную программу по согласованию с операторами связи.

С учетом вышесказанного полагаем, что кочевые семьи должны быть постоянно в фокусе внимания региональной власти.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Баишева, С. М. (2014) Повседневная жизнь национальных поселений Якутии в контексте социологических исследований // Арктика и Север. № 14. С. 83–97.

Булган, Б., Энхтуяа, Т. (2021) Современное положение детей кочевых монгольских пастушьих семей, проживающих в общежитиях // Начальное общее образование: вопросы развития, методического и кадрового обеспечения. Материалы III Всероссийской научно-методической конференции с международным участием. Иркутск, 23 октября 2020 г. / под ред. М. А. Петровой, Л. В. Калининой, Б. В. Гусевской, С. А. Коногорской. Иркутск : Иркутский государственный университет. 281 с. С. 247–254.

Винокурова Т. С., Санникова Я. М., Сулейманов А. А., Филиппова В. В., С. А. Григорьев С. А. (2019) Аборигенные сообщества Российской Арктики в XX веке: власть и номады Якутии // Научный диалог. № 2. С. 188–203. DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2019-2-188-203>

Железняков, А. С. (2009) Кочевая цивилизация: тупик или перспективы развития // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. № 2. С. 58–60.

Жуковская, И. М. (2025) Сезонная кочевая группа кратковременного пребывания как форма предоставления дошкольного образования детям, ведущим совместно с родителями традиционный образ жизни // Кочевое образование: актуальные вопросы, достижения и перспективы развития. № 1. С. 15–18. DOI: <https://doi.org/10.24412/cl-37296-2025-1-15-18>

Карлов, В. В. (2016) Кочевники в мире модерна и постмодерна. Опыт и перспективы адаптации // Сибирские исторические исследования. № 4. С. 131–153. DOI: <https://doi.org/10.17223/2312461X/14/7>

Константинова, Т. Н. (2014) Изменение форм семьи на Севере: региональные измерения // Теория и практика общественного развития. № 7. С. 27–31.

Константинова, Т. Н. (2015) Трансформация образа жизни северных семей: социальная адаптация к изменяющимся условиям // Russian Journal of Education and Psychology. № 6 (50). С. 666–677. DOI: <https://doi.org/10.12731/2218-7405-2015-6-56>

Крадин, Н. Н. (2024) Восток и всемирно-исторический процесс // Труды института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. Т. 44. С. 53–77. DOI: <https://doi.org/10.24412/2658-5960-2024-44-53-77>

Ламажаа, Ч. К. (2021) Дети для тувинцев: изменения отношения в социокультурных трансформациях // Новые исследования Тувы. № 4. С. 57–75. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.5>

Натсак, О. Д. (2021) Особенности гендерной асимметрии в современной тувинской семье // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. № 2. С. 120–143. DOI: <https://doi.org/10.22162/2587-6503-2021-2-18-120-143>

Натсак, О. Д. (2022a) Гендерное распределение домашнего труда в тувинских семьях // Векторы благополучия: экономика и социум. № 1 (144). С. 79–90. DOI: <https://doi.org/10.18799/26584956/2022/1/1144>

Натсак, О.Д. (2022b) Распределение гендерной власти в современной тувинской семье // Теория и практика общественного развития. № 2. С. 28–36. DOI: <https://doi.org/10.24158/tpor.2022.2.3>

Неустроев, Н. Д., Неустроева, А. Н. (2017) Кочевая школа как мобильная форма школьной сети в условиях Севера // Вестник Север-Восточного федерального университета. № 3 (07). С. 7–13.

Новикова, Н. И. (2024) Антропологизация права (на примере законов о коренных малочисленных народах Севера) // Сибирские исторические исследования. № 4. С. 59–77.

Потапов, Л. П. (1969) Очерки народного быта тувинцев. М. : Наука. 402 с.

Самарина, Н. Г. (2011) Кочевое скотоводство и оседлость тувинцев в советский период // Вестник Томского государственного университета. № 4 (16). С. 123–126.

Социально-стратификационные процессы в Республике Тыва (2020) / отв. ред. З. Т. Голенкова, Ю. В. Голиусова, П. Е. Сушко. М. ; Кызыл : ФНИСЦ РАН. 128 с. DOI: <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-332-4.2020>

Ростовская, Т. К., Натсак, О. Д., Ягодка, Н. Н., Еламанова, А. С (2024) Современные исследования тувинской семьи: проблемно-тематический и методологический анализ // Новые исследования Тувы. № 4. С. 238–258. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.4.16>

Сосин, В. В. (2021) О совершенствовании законодательства Республики Саха (Якутия) в сфере сохранения и поддержки кочевых семей // Арктика-2035: актуальные вопросы, проблемы, решения. № 3 (7). С. 19–28. DOI: https://doi.org/10.51823/74670_2021_3_19

Стрыгина, С. В. (2023) Право и социозэкосистема малочисленных народов Севера Российской Федерации: теоретико-правовой анализ соотношения социальных явлений // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. Т. 23. Вып. 2. С. 219–226. DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-2-219-226>

Тарбастаева, И. С. (2024) Сельско-городское взаимодействие в Туве (по материалам интервью с уроженцами Овюрского района) // Новые исследования Тувы. № 2. С. 209–224. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.2.13>

Федорова, Н. Р., Николаева, Л. В. (2020) К проблеме организации кочевой дошкольной образовательной организации в условиях Арктики // Современные наукоемкие технологии. № 11–1. С. 219–223. DOI: <https://doi.org/10.17513/snt.38366>

Энхтувшин, Б. (2015) Номады и номадизм. Традиции и современность // Известия Иркутской государственной экономической академии. Т. 25. № 4. С. 691–699.

Хамфри, К., Снит, Д. (2006) Нуудэллэхуй ёсон эцэслэх уу? [Конец номадизма?]. Улаанбаатар : Интер пресс. 368 с. (На монг. яз.)

Хилажева, Г. Ф. (2021) Современная семья в контексте транслокальной миграции (На примере семей вахтовых мигрантов Башкортостана) // Женщина в российском обществе. № 1. С. 68–82 DOI: <https://doi.org/10.21064/WinRS.2021.1.6>

Дата поступления: 12.03.2025 г.

Дата принятия: 16.06.2025 г.

REFERENCES

Baisheva, S. M. (2014) Everyday life of national settlements of Yakutia in the context of sociological studies. *Arktika i Sever*, no. 14, pp. 83–97. (In Russ.)

Bulgan, B. and Enkhtuya, T. (2021) Current situation of children of nomadic Mongolian pastoral families living in dormitories. In: *Primary General Education: Issues of Development, Methodological and Staffing Support*. Proceedings of the III All-Russian Scientific-Methodical Conference with International Participation, Irkutsk, 23 October 2020, edited by M. A. Petrova, L. V. Kalinina, B. V. Gusevskaya and S. A. Konogorskaya. Irkutsk, Irkutsk State University. 281 p. Pp. 247–254. (In Russ.)

Vinokurova, T. S., Sannikova, Y. M., Suleymanov, A. A., Filippova, V. V. and Grigoryev, S. A. (2019) Indigenous communities of the Russian Arctic in the 20th century: power and nomads of Yakutia. *Nauchny dialog*, no. 2, pp. 188–203. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2019-2-188-203>

Zheleznyakov, A. S. (2009) Nomadic civilization: dead end or development prospects. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Sotsiologiya. Ekonomika. Politika*, no. 2, pp. 58–60. (In Russ.)

Zhukovskaya, I. M. (2025) Seasonal nomadic group of short-term residence as a form of preschool education provision for children leading a traditional lifestyle jointly with parents. *Kochevoe obrazovanie: aktualnye voprosy, dostizheniya i perspektivy razvitiya*, no. 1, pp. 15–18. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.24412/cl-37296-2025-1-15-18>

Karlov, V. V. (2016) Nomads in the world of modernity and postmodernity. Experience and prospects of adaptation. *Siberian Historical Research*, no. 4, pp. 131–153. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17223/2312461X/14/7>

Konstantinova, T. N. (2014) Changes in family forms in the North: regional measurements. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, no. 7, pp. 27–31. (In Russ.)

Konstantinova, T. N. (2015) Transformation of lifestyle of northern families: social adaptation to changing conditions. *Russian Journal of Education and Psychology*, no. 6, no. 50, pp. 666–677. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.12731/2218-7405-2015-6-56>

Kradin, N. N. (2024) The East and the world-historical process. *Trudy instituta istorii, arkheologii i etnografii DVO RAN*, vol. 44, pp. 53–77. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.24412/2658-5960-2024-44-53-77>

Lamazhaa, Ch. K. (2021) Children for Tuvans: changes in attitude in sociocultural transformations. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 57–75. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.5>

Natsak, O. D. (2021) Features of gender asymmetry in the modern Tuvan family. *Bulletin of Kalmyk Scientific Center of RAS*, no. 2, pp. 120–143. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.22162/2587-6503-2021-2-18-120-143>

Natsak, O. D. (2022a) Gender division of household labor in Tuvan families. *Vektory blagopoluchiya: ekonomika i sotciyum*, no. 1 (144), pp. 79–90. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.18799/26584956/2022/1/1144>

Natsak, O. D. (2022b) Distribution of gender power in the modern Tuvan family. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, no. 2, pp. 28–36. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.24158/tipor.2022.2.3>

Neustroev, N. D. and Neustroeva, A. N. (2017) Nomadic school as a mobile form of school network under northern conditions. *Vestnik Severo-Vostochnogo federalnogo universiteta*, no. 3 (07), pp. 7–13. (In Russ.)

Novikova, N. I. (2024) Anthropologization of law (using the example of laws on indigenous small-numbered peoples of the North). *Sibirskiy istoricheskiy issledovaniya*, no. 4, pp. 59–77. (In Russ.)

Potapov, L. P. (1969) *Essays on the folk way of life of Tuvans*. Moscow, Nauka. 402 p. (In Russ.)

Samarina, N. G. (2011) Nomadic livestock breeding and sedentism of Tuvans in the Soviet period. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 4 (16), pp. 123–126. (In Russ.)

Social Stratification Processes in the Republic of Tuva (2020) / Z. T. Golenkova et al.; ed. Z. T. Golenkova, Yu. V. Goliusova and P. E. Sushko. Moscow, Kyzyl, Federal Research Sociological Center, Russian Academy of Sciences. 128 p. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-332-4.2020>

Rostovskaya, T. K., Natsak, O. D., Yagodka, N. N. and Elamanova, A. S. (2024) Modern studies of the Tuvan family: problem-thematic and methodological analysis. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 238–258. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.4.16>

Sosin, V. V. (2021) On improving the legislation of the Republic of Sakha (Yakutia) in the field of preservation and support of nomadic families. *Arktika-2035: aktualnye voprosy, problemy, resheniya*, no. 3 (7), pp. 19–28. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.51823/74670_2021_3_19

Strygina, S. V. (2023) Law and socioecosystem of small indigenous peoples of the North of the Russian Federation: theoretical and legal analysis of the social phenomena relationship. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Ekonomika. Upravlenie. Pravo*, vol. 23, no. 2, pp. 219–226. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-2-219-226>

Tarbastaeva, I. S. (2024) Rural-urban interaction in Tuva (based on interviews with natives of Ovursky district). *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 209–224. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.2.13>

Fedorova, N. R. and Nikolaeva, L. V. (2020) On the problem of organizing nomadic preschool educational organization in the Arctic conditions. *Sovremennye naukoemkie tekhnologii*, no. 11–1, pp. 219–223. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17513/snt.38366>

Enkhtuvshin, B. (2015) Nomads and Nomadism. Traditions and modernity. *Izvestiya Irkutskoy gosudarstvennoy ekonomicheskoy akademii*, vol. 25, no. 4, pp. 691–699. (In Russ.)

Humphrey, C. and Sneath, D. (2006) *The End of Nomadism? Ulaanbaatar*, Inter Press. 368 p. (In Mongolian)

Khilazheva, G. F. (2021) The modern family in the context of translocal migration (on the example of shift-work migrant families in Bashkortostan). *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve*, no. 1, pp. 68–82. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21064/WinRS.2021.1.6>

Submission date: 12.03.2025.

Acceptance date: 16.06.2025.